

Ничего святого

Автор:

Степан Суздальцев

Ничего святого

Степан Алексеевич Суздальцев

Наше поколение, брошенное родителями на произвол судьбы, выросшее в нищете на развалинах социализма, впитало в себя всю грязь московской канализации. Мы родились в СССР, но выросли в России. И вопреки всем заверениям ведущих программы «Время», мы отнюдь не то великое будущее, в котором так нуждается необъятная наша родина. Мы намного больше. Содержит нецензурную брань.

Степан Суздальцев

НИЧЕГО СВЯТОГО

Ничего святого... кроме правды

Отверженным, которые смеются

Во избежание судебного преследования, предлагаю Читателю воспринимать любые сходства имён, фамилий, организаций и ситуаций случайными, а саму историю – художественным вымыслом.

Предисловие от автора

Клянусь говорить правду, только правду и ничего святого, кроме правды.

Разумеется, нет!

Что бы Вам обо мне ни говорили, моё мировоззрение не имеет отношения к анархии.

Моя философия зиждется на свободе воли каждого человека.

Я убеждён, что всякий живой человек способен мыслить, а следовательно, имеет право самостоятельно решать, что он будет думать и как ему следует поступать.

Я убеждён, что всякий человек имеет право безраздельно распоряжаться своей жизнью, не оглядываясь на мнения окружающих.

Я убеждён, что всякий человек по факту рождения имеет право придерживаться любых убеждений и никто не может его этого права лишить.

Я убеждён, что всякий человек волен поступать, как ему вздумается, не совершая насилия над другими.

Я убеждён, что насилие – есть корень всех зол в обществе. Говоря о насилии, я имею в виду не только физическое, но и ментальное его проявление.

Если человек не совершает насилия над другими, он волен поступать согласно со своими представлениями о добре и зле.

Я убеждён, что добро и зло – понятия субъективные, и в абсолютном смысле их не существует.

Я убеждён, что главным сокровищем человека и главным его достоинством является его способность к рациональному мышлению, которое позволяет ему анализировать реальность и выносить собственные суждения. Свобода иметь эти суждения и придерживаться их в жизни называется свободой воли.

Я убеждён, что все прочие свободы проистекают из понятия «свобода воли».

И моя задача как автора этой книги, как писателя и как человека донести до всякого, кто способен внимать мне: никто ни при каких обстоятельствах не имеет права посягать на Вашу свободу.

Пролог

Солнце скрылось за однообразными крышами старого московского района.

Стоял погожий июльский вечер – из тех, что так радуют нас приятной прохладой и одновременно тёплой погодой.

В окно чужой квартиры он наблюдал багряное небо на исходе жаркого дня.

«Где-то кто-то сегодня родился. А для кого-то сегодняшний день стал последним, – усмехнувшись, подумал он, с наслаждением втягивая в лёгкие пыльный столичный воздух. – Не конечность жизни трагична, но то, что конец этот сложно предугадать», – перевернул он в уме утверждение одного профессора, изрядно успевшее порости мхом и плесенью.

Он усмехнулся, дотронувшись до кармана с разрешением этого парадокса.

Чтобы не навлечь неприятностей на хозяев, он вышел из квартиры и лениво поднялся на последний этаж. Ему повезло: вход на крышу был открыт.

Выйдя под купол последнего небосвода, он остановился на месте и прочувствовал настоящий момент.

Он видел над собой небо, играющее гаммой цветов – от голубого до алого, видел голубя, взмывшего вверх при появлении постороннего, видел родной, осточертевший, любимый район. Он слышал гудение машин из пробки на Садовом, слышал крики парней с детской площадки, слышал из квартиры верхнего этажа отрывки семейной ссоры и плач младенца в соседнем окне.

Он прикурил сигарету и впустил в себя сладкий никотиновый дым, а затем достал из кармана тонкую металлическую пластину и, сделав пару размашистых движений руками, сел на самом краю плоской крыши.

Он чувствовал запах этого города: запах отцветших лип, запах скошенного газона, бензина, плесени и сигаретного дыма.

Он чувствовал, как лёгкий ветерок треплет непослушные волосы, как по испачканным рукам течёт тёплая липкая жижа.

Он ощущал во рту запах недавно выпитой водки, съеденной колбасы, хлеба и сигареты. Этот вкус играл такими яркими красками, какие никогда не могло передать хмурое состояние духа.

Вкус свободы.

Вкус жизни.

Он чувствовал безграничное счастье, гармонию и приятие этого мира. Всё во Вселенной было неважно. Вселенная была здесь. Ничто не существовало. Только он. Только здесь и теперь.

В настоящий момент.

– Остановись, мгновенье, ты прекрасно! – воскликнул он, выдыхая табачный дым в последний раз, прежде чем сознание остановилось и последний герой ушёл в вечность в восторженном расположении духа, с блаженной улыбкой на лице.

Он не хотел, чтобы смерть пришла внезапно, и впустил её в свой мир по собственному разумению.

Так закончилась его жизнь.

Так в один прекрасный день закончится эта история.

Добро пожаловать, дорогой Читатель!

Глава 1. Детство

И на камнях растут деревья.

Несколько лет спустя, когда я открыл глаза, было около трёх часов утра.

Я медленно оглядел свою гостиную, как если бы оказался здесь в первый раз. Я увидел много лет назад спасённый от пожара стеллаж с полными собраниями сочинений Диккенса, Теккерея, Шекспира и Голсуорси. Мёртвые англичане безмолвно взирали на меня потускневшими корешками со своих обгоревших полок.

На шкафу – над всеми бессмертными строками – царили мои барабаны.

Тусклый свет невыключенного торшера падал на стены, где висели мои картины, олени рога и Весёлый Роджер.

Комната вся заставлена стульями, которые теперь часто издают жалостные поскрипывания под жилистыми задницами дорогих гостей.

На деревянном табурете возле дивана – кружка остывшего чая и богатая окурками пепельница. Рядом – серебряная зажигалка и красного цвета пачка убийственных сигарет.

Я посмотрел на чёрный флаг, струившийся под лёгким весенним ветром, который бесцеремонно вторгся в открытую форточку. Весёлый Роджер смеялся, предвещая начало нового дня. Засохшие капли крови на нём ещё можно было разглядеть, – они служили напоминанием.

Откинув плед, я обнаружил себя в красных штанах, которые носил, когда мне было семнадцать.

Спустив ноги с дивана, я натянул кеды в хулиганскую клетку, которые теперь стал использовать как домашние тапочки.

Радио продолжало играть.

Из динамика раздавался голос Джона Леннона.

Working Class Hero.

Я встал и полной грудью вдохнул слегка спёртый, прокуренный воздух Свободы, приправленный запахом нового дня.

В этот момент я решил рассказать вам свою историю.

Меня зовут Василий Скуратов.

Я родился в марте 1991 года. Времечко было жуткое, хотя политика и социальная жизнь тогда мало меня волновали, поскольку все мои интересы сводились к тому, чтобы высосать как можно больше молока из груди милой женщины, что любезно произвела меня на свет.

Я – дитя перестройки, представитель брошенного поколения. Таких, как мы, Гюго называл «Les Miserables»[1 - 1. Les Miserables (фр.) – отверженные], а Камю – «Les etrangers»[2 - 2. Les etrangers (фр.) – посторонние]. Это мы – отверженные и посторонние. Наше поколение, брошенное родителями на произвол судьбы, выросшее в нищете, на развалинах социализма, впитало в себя всю грязь московской канализации.

Мы родились в СССР, но выросли в России.

И, вопреки всем заверениям ведущих программы «Время», мы отнюдь не то великое будущее, в котором так нуждается необъятная наша родина. Мы, детство которых выпало на девяностые годы, в большинстве своём можем именоваться коротким, но очень правильным словом: мразь.

Разумеется, я сирота.

Мой отец умер, когда мне было четыре года. Теперь о нём напоминает лишь золотая цепь в бабушкиной шкатулке да малиновый пиджак, висящий в шкафу. Когда он умер, женщина, которая меня родила, скорострительно покинула нашу жизнь, хотя здесь я, как и полагается в скверных бульварных романах, забегаю вперёд.

Заботы о моём воспитании взяла бабушка по отцу. Выросшая, как и я, на обломках великой страны (она родилась в 1946 году), она была убеждённая коммунистка. Дед умер ещё до моего рождения, так что жили мы с ней вдвоём. Был ещё дядя Гриша, брат отца, но он работал корреспондентом где-то на Ближнем Востоке и не слишком баловал нас своим вниманием. С моим отцом отношения у него были скверные: он осуждал путь, который избрал папа. А бабушка, которая всегда любила отца, защищала его – так они и поссорились. Я впервые увидел дядю Гришу на папиных похоронах. Он был серьёзен, угрюм и необщителен. Потом он поговорил о чём-то с бабушкой, едва не подрался с папиными друзьями и вернулся на Ближний Восток.

Поначалу папины друзья совершали поползновения материально помогать моей бабушке, но ввиду неправославного рода их деятельности они быстро были преданы анафеме и отлучены от нашей семьи.

Отец, напротив, был причислен бабушкой к лику святых, и его портрет занял почётное место на чехословацком серванте, заменявшем бабушке красный угол.

Фотография отца была помещена между портретами деда и Карла Маркса. В детстве я, мало чего разумевающий в вопросах Интернационала, глядя на идеолога коммунизма, думал, что это мой дед по матери. Я искренне гордился тем, что в его честь на площади Революции стоит памятник.

О женщине, которая меня родила (к слову сказать, звали её Наташа), мы с бабушкой никогда не разговаривали.

Когда папа ещё был жив, мы жили вместе с бабушкой, но после похорон мама решила, что будет правильнее, если она не будет мозолить глаза бабушке, и, сняв комнату в коммунальной квартире где-то на краю света, переехала туда, забрав с собой и меня. Тот край света, где мы поселились, назывался

Матвеевское, и это гиблое место, очевидно, никогда не знало строк одноимённого Евангелиста. Но именно здесь свершился мой первый Египет.

Мама училась в Первом меде, а заодно ещё и нашла какую-то работу, которой с трудом хватало на аренду жилищной площади и прокорм двух, впрочем, не самых голодных ртов. Помимо нас, в квартире жил ещё какой-то мужик – густобровый брюнет с усами, как обувная щётка. Он был уже преклонного возраста (ему было лет тридцать пять, а то и все сорок), но тем не менее каждый раз, когда мы с ним виделись, он стремился со мной общаться. Особенно он оживлялся, когда появлялась мама, – он сразу раздвигал улыбкой свой полный золотых просверков рот, из которого лились навязчивые комплименты. Всякий раз, когда такое происходило, мама сдержанно отвечала что-то вежливое (он был хозяин квартиры), после чего уводила меня в нашу комнату.

Благодаря статусу матери-одиночки она смогла устроить меня в детский сад, который с радушием погоста принял меня на воспитание. Помню, там была такая воспитательница – Валентина Васильевна. Она отчего-то очень сильно не любила детей, всё время ругалась на них и кричала, когда те делали что-то не так. А поскольку под пристальным её надзором у детей всё валилось из рук, кричала она постоянно. Я тогда удивлённо думал, зачем же такие люди идут воспитывать детей, и каждое утро просил маму не вести меня в детский сад. Но мама ничего не могла поделать: рано утром она вела меня в сад, откуда ехала учиться, потом шла на работу, а вечером она забирала меня, и мы медленно шли домой. Дома она готовила ужин и еду на следующий день, мы ели и ложились спать. Утром я очень не хотел идти в детский сад и мечтал как-нибудь увильнуть от этой повинности, однако, когда вечером за мной приходила мама, усталая настолько, что ей даже разговаривать со мной было трудно, я не хотел возвращаться домой.

Иногда мама отвозила меня на выходные домой, и я проводил счастливые дни в компании бабушки. Я помню, всякий раз бабушка предлагала маме вернуться (она жила в просторной трёхкомнатной квартире), но она всякий раз отказывалась.

Месяца через два я сидел в нашей комнате в Матвеевском, а мама вышла на кухню. Потом я услышал из-за двери голос соседа, – он снова говорил какие-то скабрёзные любезности моей маме, но она ничего не отвечала.

– Давайте вместе ужинать! – сказал он.

– Я уже сказала, не надо, спасибо, – ответила мама.

– Я всё равно на троих приготовил.

– Спасибо, но это вы зря приготовили, – сказала мама. – Мы не голодные.

– А зачем же на кухню было идти? – спросил он.

– Чай заварить.

– Так давайте чай пить.

– Иосиф, – сказала она, стоя уже на пороге комнаты, – спасибо большое, не надо, правда.

Сосед фыркнул и пошёл на кухню.

– Мы сегодня не будем ужинать, мама? – спросил я.

Я спрашивал не потому, что был слишком голоден, – просто хотел уточнить.

– Нет, сегодня не будем, Вась, – как-то грустно ответила мама.

Мне было очень жаль её, я не хотел, чтобы она расстраивалась, хотелось – ужасно хотелось – её поддержать, но я не знал как и потому молча пошёл к кровати. Не знаю почему, но после этого она села на табуретку спиной ко мне, закрыла лицо руками и горько заплакала.

Наутро мы проспали: уже 20 минут назад нужно было идти в детский сад, но мне приспичило начать очередной раунд игры «Предложи альтернативный сценарий дня».

– Мама! – молодежато произнёс я. – Почему, собственно, мы с тобой никуда не ходим? Вокруг полно всего: театры, музеи, кино, зоопарк. Почему обязательно нужно идти в детский сад?

- Одевайся, - сказала она. - Ты опаздываешь в детский сад.

- Нет! Я не хочу в детский сад!

- Вась, я опаздываю, - сказала она немного сердито, - одевайся живо!

Мне не понравился нажим в её тоне, и я решил восстать против такого обращения.

- Не буду! Хочу в зоопарк!

- Вася, мне очень надо попасть на семинар! Одевайся быстро! - закричала мама.

- А что такое семинар? - спросил я.

- Вась, быстро надень штаны!

- И мы пойдём в зоопарк? - весело спросил я.

Мама взяла ремень.

- Я тебе сейчас устрою зоопарк! - сказала она, заводя меня в угол. - Сейчас ты у меня бабуином станешь.

Несколько небрежных движений, - и она выполнила своё обещание. Я стоял и ревел, не поворачиваясь к ней.

- Ну всё, хватит, - произнесла она, смягчившись.

- Я не хочу в зоопарк! - кричал я. - И в детский сад не хочу! Я хочу домой! Хочу к бабушке!

- Вась, ну хватит, - говорила мама, глядя меня по голове.

- Ба-буш-ка-а-а-а! - надрывался я.

- Перестань, сынок, - она повернула меня и крепко прижала к себе.

Вечером сосед снова начал говорить что-то маме. Она ответила ему «нет», но он дальше что-то бормотал.

В какой-то момент я услышал, как она закричала: «Отпусти!»

В следующую секунду она влетела в комнату и закрыла за собой дверь.

- Всё хорошо, мама? - зачем-то спросил я, хоть и знал, что ничего не хорошо.

Я понимал, что сосед плохой и что от него не приходится ждать добра. Я понимал, что маме тяжело, но мне хотелось - очень хотелось, чтобы мама сказала, что всё хорошо.

- Да, Вась, - сказала она. - Завтра ты не пойдёшь в детский сад.

- А когда пойду? - уточнил я.

- В этот детский сад больше никогда не пойдёшь.

На следующее утро мы вернулись домой, - бабушка встретила нас с распостёртыми объятиями. В тот день она не пошла на работу и отвела меня в зоопарк. Мама приехала вечером, и мы с ней легли спать в их с папой комнате.

Правда, на следующий вечер мама не появилась. Я спросил, где она, и бабушка сказала, что у мамы дела, и она приедет потом. И она правда приехала: мы с ней часто виделись, она приезжала к нам в гости, но мы больше не жили вместе, и тем не менее я был рад, что мне больше не придётся вернуться в Матвеевское.

Через несколько месяцев мама сказала, что уедет ненадолго, но потом обязательно вернётся.

И так она пропала на несколько лет.

Бабушка была добрая. Она очень сильно меня любила. Помню (хоть я и был ещё совсем мелкий), каждый раз, когда она вела меня домой из детского сада, мы останавливались у ларька и покупали мне новую игрушку. Каждый день! Мало кто из моих друзей мог похвастаться этим. Да что уж там, – мало кто! Никто не мог. Много лет спустя я узнал, что иной раз, когда бабушка покупала мне игрушку, она судорожно прикидывала в уме, удастся ли ей сегодня поужинать или денег останется только на ужин для меня одного.

Мы с ней жили на Ленинском, недалеко от Нескучного сада, куда часто ходили гулять. Наш дом стоял рядом с площадью Гагарина, и многие ребята из нашего двора, глядя на памятник Юрию Алексеевичу, хотели стать космонавтами. Но только не я. Я никогда не хотел быть космонавтом.

Мне хотелось быть милиционером или президентом, потому что их нельзя убить, как папу. Я тогда не знал, что в ту лихую годину милиционеров чуть ли не каждый день убивали на улицах. А ещё хотелось быть священником, потому что его убивать грех, а ещё ему можно, когда захочется, заходить за алтарь. Бабушка иногда водила меня в церковь. Сама она была убеждённая коммунистка (а стало быть, атеистка), однако не видела ничего плохого в том, чтобы для общего развития ребёнка водить его в церковь.

Когда мне было шесть лет, я попросил бабушку меня крестить. В отличие от сорокадневных младенцев, которые понятия не имеют, что тучный бородатый мужчина с зычным голосом и взглядом профессионального жулика, окунающий их в таз с холодной водой, – есть посланник Божий, несущий свет и милосердие покорным рабам Его, я отдался религии по собственному желанию.

Справедливости ради отмечу, что шести лет от роду я ещё был достаточно молод, чтобы многого не понимать. Думаю, предложи мне кто-нибудь креститься сегодня, я бы немедленно отослал его к чёрту. Но всё же я рад, что тогда, в детстве, я это сделал. Очень часто неосознанно мы делаем чрезвычайно важные шаги в нашей жизни, которые по трезвом размышлении никогда не сделали бы. Иногда эти шаги приводят нас к падению в самую бездну, но не для того ли мы падаем, чтобы вознестись выше прежнего?

Моими крёстными были дядя Гриша и бабушкина подруга, которая вскоре после этого умерла. Искренне надеюсь, между двумя этими событиями нет никакой тонкой связи.

Я помню, отец Владимир Лапшин, настоятель церкви в Газетном переулке, где меня крестили, сказал тогда: «Очень важно понимать, что крещение – таинство, которое совершается однажды и на всю жизнь. Сделав этот шаг, вернуться назад нельзя. Можно стать священником и сложить с себя сан, можно выйти замуж и развестись, но раскреститься – нельзя!» Не знаю почему, но именно эта фраза так сильно врезалась в мою память. Может, дело в том, что я до сих пор не могу взять в толк, как священник может признавать развод? Ну да чёрт с ним, с крещением.

Как говорил ковбой Мальборо, со мной вы Бога не встретите.

Веру я утратил лет в пятнадцать, но об этом позднее.

Расскажу лучше немного о своём детстве.

Несмотря на то, что оно проходило в 90-е годы, в социалистической бедности при капиталистических возможностях, детство было счастливым. Мы с бабушкой ходили гулять в Нескучный сад, ездили в центр на 62-м троллейбусе. Мы часто гуляли по Зарядью, Гоголевскому и Никитскому бульварам, Большой Никитской улице, Кисловским переулкам, Тверской и пешеходным переулкам (Столешникову и Камергерскому). А ещё мы очень любили Арбат и иногда заходили к дяде Грише, который году в 97-м вернулся в Москву и жил в Большом Девятинском переулке.

Когда мне было четыре года, дядя Гриша отвёл меня в детский сад на Ленинском – недалеко от нашего дома. Ему нужно было уезжать на съёмки, потому он привёл меня, едва только детсад открылся, часов в семь – ей-богу. Кроме меня и уставшей, заспанной воспитательницы, никого не было. Я начал осматриваться: в общем, обычный детский сад – именно так я его себе и представлял.

Через четверть часа пришла усталого вида женщина лет тридцати, с ней – пятилетний ребёнок. Она кивнула воспитательнице, крепко обняла сына, поцеловала в щёку и ушла. Я про себя отметил, что мы с дядей Гришей обошлись без этого: он просто сказал пару слов воспитательнице с глазу на глаз, а потом подошёл ко мне: «Вечером я тебя заберу. Постарайся с кем-нибудь подружиться».

Я попробовал подружиться с этим мальчиком. Его звали Ваня, он был на год старше меня, вежливый и приятный в общении. Пока не пришли другие дети, мы играли в машинки. Сказать по правде, я никогда не любил машинки: мне всегда больше нравилось игрушечное (хотя не только игрушечное) оружие и солдатики. Но оружия там не было, солдатиков тоже: были машинки, кубики и убогие резиновые игрушки.

Через некоторое время начали подходить другие дети. Они все здоровались с Ваней. Кто-то знакомился со мной, кто-то нет. Сам я не стремился им навязываться. Я заметил, что с приходом товарищей Ваня потерял ко мне интерес. Особенно когда пришёл Марк, – он был заводилой в их весёлой компании.

Когда все родители разошлись, ребята (их было человек десять) начали играть друг с другом, намеренно меня игнорируя. Это показалось мне странным. Я попытался поиграть вместе с Ваней, но он был занят с Марком, который был явно враждебно ко мне настроен. Тогда я начал играть с другим мальчиком. Он какое-то время составлял мне компанию, но после пары злых шуток со стороны Марка поспешил от меня отделиться.

Я не понимал, что происходит. Почему эти дети избегают моей компании? Почему не хотят играть со мной? Я что – плохой?

Расстроенный, я подошёл к Марку и сказал:

– Почему вы не хотите играть со мной?

– Потому что ты злодей! – ответил Марк под оживлённое одобрение товарищей.

Я вспомнил сериал «Полиция Майами», который тогда крутили по телевизору. Там Дон Джонсон играл полицейского Санни, который всегда помогал

«униженным и оскорблённым».

- Если вы будете меня обижать, я вызову полицию Майами! – заявил я.

- Полиция Майами – отличная идея! – подхватил Марк.

И они начали играть в полицию Майами. Они выстроили из кубиков весьма солидную баррикаду, объявили меня бандитом и принялись кидаться в меня деревянными кубиками и игрушками. Десять против одного – весьма ощутимая разница, особенно в четырёхлетнем возрасте.

Без тени излишнего стыда признаюсь: я ретировался и побежал жаловаться воспитательнице, которая читала книжку где-то в другом конце здоровой комнаты, бывшей и игровой, и столовой сразу.

- Они кидаются в меня кубиками!

- Ну так пойд и дай им сдачи, – просто ответила она.

Признаюсь, при этих словах я изрядно опешил. Нет, разумеется, я понимал, что такое дать сдачи, однако делать этого мне прежде не доводилось. Кроме того, я нисколько не ожидал, что на мой призыв к помощи я не получу ничего, кроме совета помочь себе самому.

«Ладно, – подумал я, – Крутой Уокер не испугался бы десяти пятилетних мальчиков. Он всех бы их раскидал. А значит, и я смогу, – и я направился в сторону своих противников, – сейчас я вам покажу полицию Майами! Правосудие по-техасски устрою!»

- Эй ребята! Он возвращается! – с радостным гиканьем оповестил остальных Ваня.

- Патроны к бою! – скомандовал Марк. – Враг у ворот! Пощады не жди!

- И вы не просите, – ответил им я, подбирая кубики, которые они ещё раньше в меня запустили.

– Готовьсь! – крикнул Марк.

– Ну как хотите, – пожал я плечами.

Не знаю, откуда во мне тогда взялось столько спокойствия, – хочется верить, что это врождённое. Так или иначе, я выпрямился, стоя перед ними, готовый к обстрелу, держа в руках несколько деревянных кубиков. Они прятались за своей баррикадой из кубиков, столь предусмотрительно ими сооружённой; я же стоял открытый и беззащитный – просто стоял перед ними, готовый начать войнушку.

– Огонь! – скомандовал Марк.

В тот же момент из-за баррикады в меня полетел десяток деревянных кубиков. Я инстинктивно прикрыл глаза на мгновение. Не помню, чего я ждал в этот момент: что им станет жалко меня, что они все промажут или же что за меня, наконец, заступится воспитательница. Так или иначе, ничего этого не произошло. Я почувствовал, как в меня врезались десять остроугольных деревянных предметов.

Когда я открыл глаза, ничего не случилось: руки и ноги были на месте, ну, несколько синяков на теле и на конечностях, немного больно, но, в общем, жить можно. Я продолжал также, словно стойкий оловянный солдатик, замерев в одной позе перед расстрелом, стоять перед моими обидчиками. Теперь я видел их удивлённые и слегка сконфуженные физиономии. Даже Марк немного смутился.

Я улыбнулся:

– Теперь у меня есть патроны.

И принялся кидаться в них их же кубиками. Это было для них неожиданно, а для меня – совершенно нормально: они напали, а я отвечаю, – правда на моей стороне. С первого же залпа я угодил одному мальчику в грудь, другому – в ключицу. Третьему кубик пришёлся в солнечное сплетение.

Кто-то принялся кидать кубики мне в ответ. Некоторые проходили мимо, некоторые попадали в меня; однако теперь я не замечал этого, я не чувствовал боли: я должен был нанести им ответный удар, всё прочее я игнорировал.

Я метал в них свои импровизированные боеприпасы и всякий раз попадал в цель. Не могу сказать, что я настолько уж меток: сколько раз потом ходил в тир – не больно-то меткий стрелок из меня. Однако в тот момент я попадал в новых и новых противников. Некоторые из них пригибались то ли от страха, то ли за боеприпасами, – так или иначе, когда они высывались, я настигал их. Я кидал всё быстрее и яростнее. В какой-то момент я услышал, как Марк закричал:

– Враг атакует! Ложись!

Они легли.

Я понимал: они притаились и могут в любой момент разом контратаковать меня из-за своей баррикады. Я поднял с пола кубики, которыми они запустили в меня, и начал артобстрел по их блиндажу. Как-то подсознательно я догадался, что наиболее эффективно будет нанести удар понизу. Я начал дробить фундамент их заграждения: через несколько секунд их баррикада рухнула прямо на них.

Теперь они были передо мной как на ладони, но я не спешил «приканчивать» их. Я знал, что без своей крепостной стены они ничего не стоят, раз вдесятером не смогли сломить меня из-за неё. А раз так – я победил, так к чему мне добивать их? Разумеется, всё это я понимаю сейчас. В детстве я не так много размышлял о своих поступках, я поступал инстинктивно. Но если бы в четыре года я мог оценить, почему я поступил так, а не иначе, думаю, я сказал бы именно это.

Я стоял и смотрел, как они медленно поднимаются и сперва с тревогой, потом с уважением на меня смотрят.

– Классная игра! – сказал Марк. – Давай вместе играть.

Дядя Гриша велел мне с кем-нибудь подружиться. В тот день я подружился с десятью ребятами.

Через пару месяцев – я к тому времени уже совсем обжился в детском саду – к нам привели нового мальчика. Звали его Лука. Он был, словно комнатное растение, мягкий, неагрессивный, и отчего-то сразу попытался подружиться именно со мной. Вероятно, причина была в том, что его как новичка тоже попробовали загнобить, однако я этому воспрепятствовал.

Я к тому времени общался уже со всеми мальчиками и девочками в нашей группе: одни любили меня, другие – не очень, но я в любом случае никому не отказывал в обществе. И, памятуя день моего появления в детском саду, однокашники считались с моими словами. Когда к нам привели Луку, я решил взять его под своё крыло. Мы неплохо общались где-то до полудня: а в полдень нас повели на прогулку. И тут Лука, который не отходил от меня ни на шаг, заметил, что я не умею правильно завязывать шнурки.

С его стороны большой ошибкой было сказать мне об этом. Дети всегда непосредственны, и в то же время чутки к критике. Мне больно врезались в душу его слова: «Ты неправильно завязываешь шнурки! Смотри, как надо».

«Как он посмел, – думал я, – указывать мне на шнурки? Неужели этот щенок (Лука был мой ровесник, но он принадлежал к числу тех детей, о которых говорят «нюня»), которому кулак покажи – заплачет, – умеет завязывать шнурки лучше меня?»

Мне стало обидно, и Лука, сам того не подозревая, нажил в моём лице злейшего врага.

Я был к нему беспощаден. Я ругал его всякий раз, когда он делал что-то неправильно, я выставлял его на посмешище перед всей группой, говорил про него всякие гадости и громко смеялся над ним. Следом за мной смеялись все остальные. Вечером, часов в шесть, незадолго до того как нас должны были забрать родители (его – родители, а меня – бабушка), он спросил меня:

– А какая у тебя мама?

– Красивая, – сказал я. Это было правдой – моя мать была весьма красива.

- Она придёт за тобой? - спросил Лука.

- Меня всегда забирает бабушка, - отозвался я.

- А почему тебя не забирает мама? - не унимался Лука.

- Потому что мамы забирают только маменькиных сынков, - не выдержал я. - А нормальных ребят забирают бабушки.

- Но я же не...

- Ты самый настоящий маменькин сынок! - твёрдо заявил я. - Ты ничего не можешь сделать по-человечески, у тебя всё из рук валится, ты несамостоятелен, ты даже постоять за себя не можешь.

- Нет!

- Нет? - удивился я и толкнул его. Лука упал и заплакал.

- Плакса! Маменькин сынок!

Я довёл беднягу до истерики.

К несчастью для меня, его мама и моя бабушка пришли примерно одновременно. Лука тут же пожаловался на меня своей мамаше, и та, отведя бабушку в сторону, сказала ей пару слов. Она не выглядела разъярённой или взбешённой - только была слегка раздражена. Бабушка кивнула, спокойно сказала что-то в ответ и подошла ко мне.

Я ждал, что она будет ругать меня. Этого не случилось. Мы мирно вышли из детского сада и направились в сторону Ленинского проспекта. Выйдя на Ленинский, бабушка, как обычно, остановилась у палатки, где мы покупали игрушки. Я в недоумении воззрился на неё.

- Какую ты хочешь игрушку сегодня? - спросила она у меня.

– Сегодня я не хочу игрушку, – сухо ответил я.

– Почему? – искренне изумилась бабушка.

– Потому что сегодня я не заслужил.

– Почему ты не заслужил сегодня игрушки? – уточнила бабушка.

Я рассказал ей о том, как обошёлся с хорошим мальчиком Лукой, который просто хотел со мной подружиться. Бабушка внимательно выслушала меня... как же давно это было? Чёрт, я не могу вспомнить, что она мне ответила. Я не помню и следующего дня. Знаю лишь, с рассказов бабушки, что буквально на следующий вечер, когда она пришла забирать меня из детского сада, Лука чуть ли не обнимал меня при прощании.

Летом мы ездили на дачу, зимой – по городам Золотого кольца.

Бабушка зарабатывала достаточно, чтобы содержать нас, однако и не так много, чтобы позволить нам поездки за границу. В отличие от большинства советских людей, она не видела в этих поездках что-то необыкновенное: дочь посла, она с детства объездила пол-Европы и Северную Африку. Но всё же меня за границу она не возила; не могла – формально моим опекуном оставалась женщина, которая меня родила.

Бабушка любила рассказывать мне о наших предках: о её отце – дипломате, её деде – виноделе, погибшем во время гражданской войны. Но более всего я любил слушать истории о моих предках по отцовской линии, от которых мне досталась боярская фамилия.

Помню, как я впервые узнал о своём происхождении.

Через пару месяцев после моего поступления в детский сад, я был переведён в старшую группу, где были ребята пяти лет: они были старше меня на целый год. Заведующая детским садом наивно предположила, что старших товарищей терроризировать мне не удастся.

Авторитетом в этой группе был Матвей Клизмин – его папаша уже тогда владел модным домом и был успешным бизнесменом или портным, как говорил про него дядя Гриша.

Кстати, недавно я случайно узнал, что годовой оборот компании Клизмина-старшего составляет 100 миллионов долларов.

Так вот, отец этого Матвея, которого привозил охранник на «мерседесе» (вы же понимаете, что такое «мерседес» в 1995 году), был одним из главных спонсоров нашего детского сада. Мне кажется, этих сведений вполне достаточно, чтобы не рассказывать, как о Матвее пеклись воспитатели. Матвей – надо отдать ему должное – нисколько не гордился таким к себе отношением и воспринимал его скорее как данность, нежели особый статус. Как данность он воспринимал и то обстоятельство, что среди ребят снискал известную популярность. Не могу сказать точно: то ли сам Матвей обладал особой харизмой, то ли его игрушки, – так или иначе, ребята кружились вокруг него, как мухи вокруг ка...рамельного джема.

Вероятно, эта звёздность и стала причиной того, что Матвей возомнил себя королём... в самом прямом смысле: гувернантка (!) сделала для него корону из папье-маше, и Матвей припёрся в ней в детский сад. Когда Фома (мальчик, с которым я подружился в первый день своего перевода в старшую группу) спросил его, что у него на голове, этот засранец смерил моего товарища высокомерным взглядом и снисходительно произнёс:

– Это корона! Не видишь, что ли?

Больше Фома не задавал ему никаких вопросов.

Я был возмущён поведением Матвея Клизмина, но я был в меньшинстве: Матвей был окружён плотной группой товарищей, которые наперебой восхищались короной и просили померить её. Подобные просьбы юный государь отвергал с поистине королевской усталостью от непроходимой человеческой тупости.

Матвею не надо было вживаться в роль, он с самого начала был избалованным капризным ребёнком, который привык, что ему всё дают и всё позволяют. А ребята были очень рады составить королевскую свиту, ведь Матвей щедро награждал их титулами герцогов и маркизов.

Во второй половине дня его величество совершал светский выход со своей свитой.

- А ты кто? - спросил меня Матвей, не выходя из образа.

- А я воин, - не растерялся я.

- На колени перед королём, воин, - властно потребовал от меня этот сопляк.

- Не хочу я становиться на колени, - ответил я.

- На колени перед королём! - взвизгнул Матвей.

- На колени перед королём! - захохотали ребята. Молчали только некоторые девочки и Фома.

- Ты не король, - рассмеялся я. - Ты просто мальчик.

- Нет, я король! - возмутился Матвей. - Скажите ему, что я король!

- Он король, - кивнул один из ребят.

- Да, король, - согласился второй.

- Король-король, - пробормотали ещё несколько человек.

- От того, что несколько идиотов признали твою власть над собой, ты ещё не стал королём! - пафосно произнёс я фразу, которую намедни слышал в каком-то фильме.

– Видишь корону? – Матвей указал на корону, которую сделала ему гувернантка из папье-маше. – Я король!

– Да? – позволил себе не поверить я. – Ну-ка, дай посмотреть!

– Нет! – крикнул Матвей, но уже было поздно: я успел сорвать корону у него с головы и теперь внимательно её рассматривал, – сделана она была действительно на славу. – Отдай! – Матвей попытался вырвать у меня свой символ власти и с силой ухватил за корону. Кусок картона остался у него в руках, – корона была порвана. – Что ты наделал? – в ужасе спросил Матвей. – Ты порвал мою корону!

– Нет короны – нет короля! – провозгласил я.

Никто не повторил за мной этот лозунг, но я видел улыбки на глазах многих ребят: они уже не хотели играть с Матвеем в короля и его слуг. Они хотели играть на равных условиях...

Так я обзавёлся друзьями в старшей группе.

Пока я понимал всё это, Матвей привёл воспитательницу, которой уже успел наябедничать на меня.

– Ты зачем ему корону испортил? – строго спросила она.

– Да я взял посмотреть! – воскликнул я. – Я не думал, что он её у меня вырвет.

– Он порвал её! – крикнул Матвей. – Он специально её порвал!

– Нет, не специально! – крикнул я.

– Почему ты отобрал у него корону? – спросила воспитательница.

– Потому что хотел посмотреть.

– Ты что, не знаешь, что нельзя брать без спросу чужие вещи? – спросила воспитательница.

– А он кричал, что он король и говорил, что это потому, что он в короне. А я захотел посмотреть.

– Но корона порвалась.

– Я не специально.

– Нет, специально! – кричал Матвей. – Он специально! Он порвал её, потому что он злодей!

– Нет, Матвей, он не злодей, – улыбнулась воспитательница. – Просто Вася у нас революционер.

Я понятия не имел, что такое революционер, но было что-то тёплое в улыбке воспитательницы, и я понял: что бы это ни было, это не плохо.

А когда вечером воспитательница, смеясь, рассказала эту историю бабушке, я понял: революционер – это хорошо.

Когда мы с бабушкой возвращались домой, я рассказывал ей, что случилось на самом деле. Бабушка сказала, что так делать нельзя, и я никогда больше так не делал. Она не сердилась, и всё было хорошо, но я чувствовал обиду: Матвей называл себя королём, он действительно верил в это... и, что хуже всего, другие ребята тоже верили в это. Матвей не имел никакого права помыкать своими товарищами, – они сами своим подчинением дали ему это право, ведь власть – это в конечном счёте способность убедить всех в своём праве диктовать свои условия остальным.

Тогда я не понимал всего этого и просто чувствовал грусть от того, что какой-то сопливый хмырь господствует над нормальными людьми, а они согласны верой и правдой служить ему. Только один Фома не поверил в то, что Матвей король.

Я поделился своими мыслями с бабушкой.

- Это неправильно, - согласилась она. - Но люди всегда сами решают, покоряются ли они ярму или живут свободно.

- Но ведь же он не король! - возмущённо воскликнул я. - Почему тогда все его слушают.

- Потому что они верят в то, что он король.

- А я - не верю!

- Тогда и не слушай его.

- Я тоже хочу быть королём, - до чего же, должно быть, капризно это тогда прозвучало!

Бабушка внимательно посмотрела на меня и ровным голосом произнесла:

- Ты не можешь быть королём. Королями становятся только старшие сыновья королей.

- Но ведь Матвею можно быть королём! - не уступал я.

- Матвею можно называть себя королём, - поправила бабушка. - Ты тоже можешь называть себя кем угодно. Но это никак не влияет на то, кто ты есть.

- А кто я есть? Я просто мальчик.

- Ты Василий Скуратов. Твой дед был известным на весь Советский Союз художником, а твои предки происходят из древнего боярского рода. По факту рождения ты уже не просто мальчик - ты юный боярин, и в жизни тебя ждут великие дела.

Не знаю, что за сила была в словах моей бабушки, но я ей поверил.

Бабушка с детства привила мне любовь к чтению, водила меня в театры и музеи. А в декабре – на ёлки. Однажды дядя Гриша даже сводил меня на Кремлёвскую ёлку. Помню, там мне дали оранжевый чемоданчик с конфетами. Вроде бы – ничего сверхъестественного: просто пластиковая коробочка с ручкой и несколько конфет внутри, но до чего же это было здорово! Как мало, на самом деле, нужно ребёнку для того, чтобы быть счастливым.

Несмотря на то, что дяде Грише особенно не было до меня дела, я любил его. Он брат моего отца и внешне похож на него. Я был бы рад, если бы он заменил мне папу, однако в его планы это, видимо, не входило.

Он всегда был очень крутого нрава. Во многом, из-за этого нрава у него и не сложились отношения с папой. Дядя Гриша был ко мне строг, но всегда справедлив. Никогда не баловал, но проводить время с ним мне было приятно.

Он брал меня с собой на охоту, мы с ним ходили в бары и рестораны, ездили кататься на лошадях или роликовых коньках.

На пятый день рождения я получил в подарок от дяди двухколёсный велосипед, я не умел кататься на таком. Мы с дядей пошли во двор – рядом была школа. Мы отправились на школьный двор, где я сел на велосипед, а дядя Гриша держал меня за сидение сзади, чтобы я не упал. Я начал крутить педали, а он шёл рядом. Я крутил педали быстрее и быстрее, велосипед набирал скорость и дядя Гриша переходил на бег. После того как дядя совершил олимпийский забег в десять кругов вокруг здания школы, он отпустил сидение, и я продолжал ехать без его помощи. Так я научился кататься на велосипеде.

Когда мне было шесть лет, я узнал, что Деда Мороза не существует. Если для вас это новость, спешу вас расстроить, – увы, наш суровый мир устроен именно так.

Это было летом 1997 года. Мы с бабушкой были на даче, – она что-то готовила на кухне, а я мечтал в большой комнате нашего деревянного дома.

Я не помню, чего именно мне так сильно хотелось, но я ясно осознавал, что если я и могу рассчитывать на столь важный подарок, то не ранее, чем на Новый год или день рождения.

«Интересно, – подумал я, – а почему, вообще, подарки дарятся именно на Новый год и в день рождения?»

Я сразу вспомнил, что подарки на день рождения – это традиция, которая появилась на свет почти две тысячи лет назад в Вифлеемской пещере, когда три волхва принесли свои подарки младенцу, рождение которого совпало с зажжением новой звезды.

«Ну хорошо, – рассуждал я. – А на Новый год? Подарки на Новый год – это наследие рождественских подарков, традиция которых восходит к... тому же самому...»

Знаете это чувство озарения, когда все пазлы сходятся, и вы внезапно прозреваете, что убийцей в романе Агаты Кристи мог быть только садовник? Примерно то же чувство постигло и меня в тот момент, с той лишь разницей, что роль садовника в моём детективе играл Дед Мороз.

Поражённый своим открытием, я побежал к бабушке, чтобы скорее поделиться им с ней.

– Бабушка! – воинственно воскликнул я, вторгаясь в кухню.

Продолжая готовить, она обернулась и приветливо на меня посмотрела.

– А ведь Деда Мороза не существует! – это было скорее утверждение, нежели вопрос.

– С чего ты это взял, Вася? – ласково спросила бабушка.

Я, не вдаваясь в подробности, поделился с ней нехитрой логикой своих рассуждений.

– Ну так что? – подытожил я. – Это родители детям на Новый год дарят подарки?

– Ну, родители Деду Морозу деньги отправляют... – попыталась парировать бабушка, но я был неумолим. Осознав бесполезность дальнейшего сопротивления, бабушка признала капитуляцию, а я невольно разрушил одну из первых святынь, которые с такой любовью возводят родители для своих невежественных отпрысков.

Но в 1998 году нашей идиллии пришёл конец. Вскоре после дефолта предприятие, на котором работала бабушка, объявило себя банкротом. Это был Институт разработки цветных металлов. Разумеется, акции института моментально были выкуплены... ну, вы же знаете, как в нашей стране появились олигархи, ведь правда?

Итак, после тридцати лет работы бабушка оказалась на улице. Слишком образованная, чтобы стать уборщицей, и слишком прямолинейная, чтобы стать коммерсантом, она нашла, наверное, единственное занятие, которое как-то могло прокормить нас, не ущемляя её гордость: стала переводить статьи с французского и немецкого языка для разных журналов.

Много лет спустя я узнал, как после краха фирмы бабушка ездила на биржу труда, где проводила часы в поисках работы, соответствующей её умениям и квалификации. Сегодня мою бабушку можно было бы смело назвать топ-менеджером, сегодня она нашла бы работу по щелчку пальцев. Но, потеряв работу в 1998, она навсегда оказалась за бортом профессиональной деятельности. После банкротства компании бабушка получила компенсацию в размере оклада за три месяца. Она пришла за деньгами к восьми утра и, попав в конец длинной очереди из таких же отверженных сотрудников, стояла в ней до семи часов вечера. Устав после напряжённого ожидания, когда в любой момент кассир мог объявить, что у него больше нет денег, бабушка заснула в троллейбусе на обратном пути, а проснувшись, обнаружила, что сумка открыта и денег в ней больше нет.

Я не знаю, почему дядя Гриша не рвался помогать нам в то тяжёлое время, – он всегда был каким-то отстранённым. Но мы с бабушкой всё равно очень его любили, – я, потому что был ребёнком, а бабушка – потому что он был её сын.

В августе 1998 года грянул кризис. А первого сентября я пошёл в школу. У меня был отличный класс с прекрасными ребятами, которых я очень быстро полюбил. Многие из них жили в моём доме: с ними я был знаком ещё до школы.

Вот сейчас подумаю – удивительное было время! 90-е годы. Говорят, тогда в магазин в соседний дом было опасно пойти, потому что могли по дороге прирезать, а мы – беззаботные дети, спокойно играли себе во дворе, и ничего с нами не происходило. Вот я гляжу на современных детей – им лет по семь, но все гуляют под бдительным присмотром заботливых взрослых. А я с пяти лет сам бегал везде с ребятами, и всё было хорошо. Тогда ни у кого из нас не было мобильного телефона, чтобы родители могли позвонить и узнать, всё ли в порядке. Я был обыкновенным советским (ну ладно, российским) мальчиком, а стало быть, со мной ? ргіогі всё должно было быть в порядке. И если я уходил гулять утром, приходил домой часа в два пообедать, а потом снова бежал гулять с пацанами, – это было в порядке вещей.

Что, вообще, происходит с этим миром? Куда он, к чёртовой матери, катится? Хотя, возможно, именно туда мы на всех парусах и стремимся, – кто знает?

Вседозволенность и беспредел уголовников сменился на стабильность установившегося режима и произвол сотрудников властных и силовых структур, людей не убивают на улицах безнаказанно, – теперь их законным путём отправляют гнить в тюрьме. Но именно теперь люди стали бояться отпустить пятилетнего мальчика погулять. Родители теперь почитают необходимым подтирать сопли своим обожаемым чадам, называя это заботой. При этом они едва ли задумываются, каким образом человек сможет вырасти самостоятельным, если его ограничивать с самого детства, а потом удивляются: как же так получилось, что их сын вырос тряпкой?

В нашем дворе даже девочки, которые ходили в фартуках и со здоровым бантом, вплетённым в длинную косу, – и те гуляли без родителей.

В школе я быстро обзавёлся друзьями. Уж что-что, а сходитьяся с людьми у меня получалось очень легко, – в этом, вероятно, мне помог опыт детского сада. Нужно ли говорить, что я был самым шкодливым мальчиком в нашем классе?

Но, несмотря на мои шалости, меня все любили, и со всеми у меня были хорошие отношения.

Во дворе у меня был лучший друг Юрка из четвёртого подъезда. Он сильно картавил, зато жил в квартире № 100, – это было так круто! Юрка был дурак, – он рассказывал мне, что часто подглядывает за своей мамой, когда она моется. Мне казалось, что это отвратительно, однако я никогда не говорил Юрке об этом. Мы с ним творили много всяких невинных шалостей. Я любил приключения и путешествия, а он любил всякие хулиганства. Так мы прекрасно дополняли друг друга.

Но всё-таки та история с ванной медленно подтачивала нашу дружбу. Для меня в слове «мама» было нечто священное, недостижимое. Это было великое благо, данное каждому из детей. И я был безвинно этого блага лишён. Я не понимал, почему так случилось и что я такого сделал. Но когда всех моих одноклассников забирали мамы, а за мной приходила бабушка, мне становилось несколько стыдно. Я быстро успел стать главным хулиганом и любимцем класса, никому из ребят и не приходило в голову спросить меня, где моя мама, – все уже были достаточно взрослыми, чтобы понимать, какие вопросы людям задавать бестактно, особенно если бестактность может вернуться в трёхкратном размере.

А когда Юрка рассказывал, что он подглядывает за мамой, мне было стыдно за него, – казалось бы, я не сделал ничего плохого, но, рассказывая о таких вещах, мой товарищ делал меня соучастником преступления, и мне было совестно.

Но потом Юрка переехал, и мы с ним не виделись много лет.

Всё изменилось в 2000 году. Мир оказался на пороге третьего тысячелетия, а я – на пороге отрочества. Моё беззаботное и счастливое детство, состоявшее из бабушки, школы и дворовых ребят, было разрушено в одночасье.

Внезапно всё, что казалось мне незыблемым, рухнуло, словно Рим под пятой варваров. И варваром этим была женщина, которая меня родила. Это было в начале июня 1999-го. Мне было восемь лет, и я только что закончил первый класс.

Мы с бабушкой ждали приезда дяди Гриши, который должен был отвезти нас на дачу на своём джипе. Зазвонил телефон, и я, как обыкновенно, побежал снимать трубку вперёд бабушки.

- Привет, гном, - густым баритоном произнёс дядя Гриша. Он с самого детства называл меня гномом, потому что я, хоть и был высоким для своего возраста, всё же рядом с ним был гномом.

- Привет, гигант, - сказал я.

- Вы уже собрались? - спросил он. Разумеется, мы к тому моменту уже собрались, поскольку было два часа пополудни, а он обещал приехать к часу. - Ладно, скоро буду.

Это его «скоро буду» обыкновенно означало, что он появится никак не раньше, чем через пару часов. И потому меня очень удивило, что в дверь позвонили спустя десять минут после нашего разговора.

Я побежал открывать дверь, даже не спросив «кто там?», - я был уверен, что это дядя. Но на пороге оказался не он, а какая-то женщина. Хоть и прошло четыре года с тех пор, как она бросила нас, я сразу узнал её. Это была она - мама. Я уже привык думать, что этой женщины больше нет, по крайней мере, её нет в моей жизни, и она уже никогда в ней не появится. Но я ошибался.

- Вася! - сладким и нежным голосом, в котором было столько неподдельной любви, столько теплоты и заботы, произнесла она. - Сыночек мой, здравствуй!

Она перешагнула порог. Я попятился по коридору.

- Сыночек любимый мой! Васенька! - Она протянула ко мне руки, а я стоял, словно кролик, замороженный гигантским удавом. - Как давно я тебя не видела, как я соскучилась! - Слова её, сладкие, словно мёд, звучали так искренне.

Думаю, она действительно верила в то, что мне говорила. И я тоже поверил. – Васенька, милый мой, прости меня, пожалуйста! Я так виновата! Я не должна была тебя оставлять, я...

Она остановила свой поток нежных, приторных фраз, потому что в коридор вышла бабушка.

– Здравствуйте, Нина Николаевна, – казалось, она действительно была рада увидеть бабушку.

– Здравствуйте, Наталья, – произнесла бабушка спокойно.

– Вот сыночка решила проведать, – со слезами счастья на глазах произнесла Наташа. – Я войду, вы ведь не против? – спросила она и, не дожидаясь ответа, начала снимать кроссовки.

Я стоял и смотрел, как она бесцеремонно берёт гостевые тапочки, которые лежали на том же месте, что и четыре года назад, когда мы были одной семьёй.

– Нина Николаевна, я так виновата, – подавленным, полным раскаяния, голосом тихо сказала Наташа. – Васенька! – она начала трепать меня и осыпать поцелуями, оставляя на моём лице липкие следы бесцветной помады. – Я так счастлива, что мы наконец вместе! Мы теперь всегда будем вместе! Правда ведь, сыночек?

– Ну, – протянул я. Хотя я и был хулиганистым и шkodливым ребёнком, бабушка очень хорошо меня воспитала. Поэтому вот так взять и послать её к чёрту я просто не мог. Тем более, хозяйкой дома была бабушка, и её прерогативой было выставлять оттуда непрошенных и неприятных гостей.

Я не понимал тогда, что именно от меня зависело в этот момент моё будущее. Ведь, если бы я сразу заявил, что не желаю её знать и не хочу даже видеть, – тогда она бы, скорее всего, просто ушла. Она была такой ласковой, нежной и вежливой лишь потому, что осознавала, насколько ей в нашем доме не рады. Она понимала, что её запросто могут выставить за дверь, даже не объясняя причины: едва ли она забыла, что просто пропала на столько лет.

Мама не обладала светским воспитанием и манерами, однако умела создавать видимость, будто является утончённой и воспитанной женщиной. И сейчас была как раз та ситуация, когда это было просто необходимо.

Не знаю, смогла ли она убедить мою бабушку, что раскаивается. Бабушка была очень проницательным человеком, однако всегда держала своё мнение при себе. И даже если ей ввалили или рассказывали всякие небылицы, она никогда не пыталась спорить с людьми, внимательно слушала их и кивала, когда кто-то что-то безапелляционно утверждал, даже если не была с ним согласна. Она кивала потому, что понимала позицию человека, хоть и не принимала его сторону. Однако об этом мало кто знал, ведь человеку обыкновенно достаточно того, чтобы с ним не спорили, – что собеседник думает на самом деле, людей редко интересует.

– Можно мы с тобой будем видеться? Ты ведь не против, сынок? – спросила Наташа. – Я так по тебе скучала, миленький мой!

«Где же ты была раньше?» – подумал я, однако ничего не сказал.

– Я столько времени потеряла! – обратилась она теперь уже к бабушке. – Я так жалею, что когда-то покинула вас! Можно мне недолго побыть вместе с сыном?

Бабушка ничего не ответила. Я её понимаю. Она на дух не выносила женщину, которая меня родила, однако она сама была матерью и понимала, как сильна материнская любовь. А кроме того, моя мать так и не отказалась от родительских прав, а потому формально все эти годы оставалась моим опекуном.

Наташа, видимо, почувствовала брешь в обороне и уже собралась, чтобы снова пойти в наступление, но в этот момент в дверь позвонили.

– Дядя Гриша! – обрадованно воскликнул я.

«Уж он-то сейчас всё решит», – подумал я. В отличие от бабушки и меня, дядя Гриша никогда не отличался сдержанностью. Я не хочу сказать, что я был особенно сдержанным, однако бабушка с детства приучила меня при взрослых держать себя в руках. А вот дядя Гриша никогда ни при ком в руках себя не держал, никогда не миндальничал и не пытался кому-то понравиться. За это

я его и люблю. Ну и за то, что он мой дядя, конечно.

Я открыл ему дверь.

- Ну здравствуй, гном! - поздоровался он и вошёл. Наташа стояла перед ним. Как это ни странно, он нисколько не удивился. Сейчас, вспоминая всё это, я думаю, что он догадался, что у нас кто-то есть ещё до того, как вошёл: Наташу, очевидно, выдал запах духов. Войдя, дядя Гриша посмотрел на меня, на бабушку, на Наташу и, моментально оценив ситуацию, поинтересовался:

- Какого хрена?

- Пришла сыночка увидеть, - ласково сказала она.

- Увидела? - сухо спросил дядя Гриша.

- Так вырос! Так повзрослел! - восхищённо произнесла она.

- За четыре года - это неудивительно, - заметил дядя и сразу обратился к бабушке: - Вы собрались?

- Собрались, - кивнула она.

- Тогда одевайтесь, - сказал дядя Гриша и прошёл в мою комнату, где стояли сумки. Выйдя с сумками в коридор, он посмотрел на нас, - мы все стояли на прежних местах и не двигались. Дядя посмотрел на Наташу и ледяным голосом произнёс: - Аудиенция окончена.

Наташа присела, обняла меня, крепко поцеловала и сказала:

- Ещё увидимся.

- До свидания, - попрощался я.

- Всего доброго, Наталья, - попрощалась бабушка.

– Увидимся, – повторила та.

Дядя Гриша ничего не сказал.

Она ушла. Однако она вернулась. Она вернулась, чтобы навсегда изменить мою жизнь.

Зачем она это сделала?

Я думаю, что она действительно раскаялась и поняла, что не слишком красиво поступила, когда бросила своего четырёхлетнего сына. Ей самой тогда было всего двадцать четыре. Она была молода и мечтала о приключениях, путешествиях, неизвестности и безудержно рок-н-рольной жизни. Будучи женой моего отца, – а он был мужиком жёстким – это вряд ли ей удавалось. Когда же отца не стало, у неё внезапно и сразу появилась свобода. Она могла делать, что вздумается, о чём она так мечтала. Но, разумеется, если бы я был у неё на иждивении, все её мечты пошли бы прахом. И потому она оставила меня у бабушки. Она знала, что бабушка сделает всё, чтобы я был одет, сыт и ни в чём не нуждался. Даже если ей самой придётся голодать, – она сделает это, и никто не узнает об этом.

Но даже когда Наташа уехала в неизвестность, навстречу приключениям и открытой границе, она всё время помнила обо мне. Она рассказала мне об этом летом 99-го, когда приехала к нам на дачу. Ей было очень важно, чтобы я поверил ей. Я уверен, она действительно жалела, что исчезла из моей жизни на целых четыре года. Она не видела, как я расту, не видела, как я ходил в детский сад, не видела, как я пошёл в школу. В те годы, что она путешествовала по Европе и смотрела на мир, она жила своей молодой жизнью. Она получила всё, что хотела. Но внезапно она поняла, что оставила здесь, в Москве, своего сына.

Ей было двадцать семь лет, когда она вернулась в Россию. Она встретила человека, у которого был обувной магазин. Он был высоким, сильным, уверенным себе, но главное – он мог подарить ей то, чего она была лишена с тех пор, как овдовела: он мог дать ей защиту и стабильную жизнь. И она вышла за него замуж.

Но она не забывала о том, что на Ленинском проспекте живёт мальчик, которого она родила, который рос без неё, окутанный заботой бабушки.

Она хотела вернуться ко мне, однако не забывала о том, что когда-то сделала. Ей было стыдно. Ужасно стыдно за своё бегство. Об этом она говорила бабушке. Я знаю, потому что подслушивал.

Бабушка не отличалась сентиментальностью, однако, как я уже сказал, была очень сдержанным и воспитанным человеком. И что бы бабушка ни чувствовала, как бы ни относилась к Наташе, она позволила нам общаться.

Я был не против.

Да, я прекрасно понимал, что она бросила меня, но вместе с тем я знал, что она бросила меня не просто так, – это же, в конце концов, была моя мама. А мама не может бросить меня без причины.

Когда она уехала, я даже не думал, что мамы нет, и это странно. Несколько недель спустя я задал бабушке вопрос, где же мама, и она сказала, что мама уехала, но обязательно вернётся. Мысль о том, что дети должны жить с мамой, никогда не приходила мне в голову. И всё-таки, глядя на моих ровесников и их матерей, я ощущал какое-то спокойствие. Вы понимаете? Я ощущал спокойствие в пять или шесть лет – возраст, когда в каждом здоровом ребёнке есть «по двести грамм взрывчатки или даже полкило».

И, вопреки моим мыслям о том, что «мама, видимо, забыла меня», с самого её появления я почувствовал надежду стать, как все, – стать мальчиком, у которого есть мама.

Мы начали общаться. Она была очень щедрой, и мы ходили во всякие места, куда бабушка не могла себе позволить меня водить. Это мне очень нравилось.

Оказалось, что мою лояльность купить было весьма легко: роль тридцати сребреников сыграли Star Galaxy и роликовые коньки. До сих пор ненавижу себя за это.

Мама познакомила меня со своим мужем. Он показался мне очень приятным и обаятельным человеком: крутым, сильным и с чувством юмора. Он мне понравился. Как я понимаю, Наташа поставила ему условие: она выходит за него замуж только при условии, что он примет её ребёнка. Он согласился.

Когда мы с ним знакомились, он протянул мне огромную руку и сказал:

– Привет, меня зовут Игорь.

Мне было очень приятно. Мы поехали кататься на роликах. Я что-то хотел спросить у него и уже начал: «Игорь, а Вы не знаете?..», но он прервал меня словами: «Давай просто будем на «ты», ладно?». В тот день я несколько раз назвал его на «Вы», а он всякий раз исправлял меня на «ты».

Когда мы увиделись в следующий раз, он уже не старался поправлять меня, а мне по-прежнему было неловко. Но он всегда был в хорошем настроении, много шутил и излучал уверенность в себе.

Мне это нравилось. Единственный мужчина, который был в моей жизни после смерти отца, – это дядя, но он всегда был спокойнее, и между нами всегда стоял барьер: он с самого начала решил для себя, что не сможет заменить мне отца, и никогда не пытался этого сделать.

У дяди Гриши была журналистика, которой он жил. Я очень любил и до сих пор люблю слушать дядины рассказы об известных людях, с которыми он знаком. Особенно я любил слушать рассказы о Толстых. Во-первых, они, как и мы, происходят из древнего боярского рода. Во-вторых, они являются прямыми потомками Льва Николаевича. Лев породил Владимира. Владимир породил Олега и Илью. Илья Владимирович после смерти Дитмара Ильяшевича Розенталя возглавил кафедру стилистики русского языка на журфаке МГУ, где дядя Гриша и Петя Толстой учились.

Но познакомились они задолго до этого, потому что Олег Владимирович Толстой (брат Ильи Владимировича и отец Пети) жил вместе с сыном на Большом Девятинском. В том же доме жил мой дед, художник Михаил Аркадьевич Скуратов с бабушкой, моим папой и дядей Гришей. Только Толстые жили на одиннадцатом этаже, а Скуратовы – на десятом. Гриша был с Петей Толстым в одной группе в детском саду и, по уверениям дяди, отвечивал щелбаны

будущему сокурснику и коллеге.

Итак, когда я заканчивал второй класс школы, мама объявила мне, что скоро я перееду к ним с Игорем. Не могу сказать, чтобы это известие меня обрадовало, однако бабушка воспитала меня послушным мальчиком. Я ужасно не хотел покинуть свой родной Ленинский проспект и перебираться куда-то в Тушино, – я даже плохо представлял себе, где может находиться место с таким неблагозвучным названием. Но я был ребёнком, который привык во всех важных житейских вопросах полагаться на рассудительность взрослых. Я был уверен в абсолютной правильности решений родителей, которые представляли для меня неоспоримый авторитет. Лишь теперь я твёрдо осознаю, что категорический мой отказ переезжать решил бы мою судьбу, направив меня в совершенно ином направлении. Но тогда – увы! – я этого не знал.

29 августа 2000 года мама родила сына. Она позвонила мне и сказала, что у меня появился брат. Я был очень рад это услышать и делился своей радостью с бабушкой, которая из вежливости изобразила радость так, что я ей поверил. Сейчас я понимаю, что её сердце обливалось кровью от осознания скорой разлуки. Я, к сожалению, не осознавал тогда, что моя жизнь может кардинально измениться, что мы с бабушкой будем видеться всё реже и реже.

31 августа приехал Игорь, снисходительно поздоровался с бабушкой и забрал меня. В тот вечер я лёг спать в своей новой обители, которую так и не смог назвать домом.

Когда мне было девять лет, моё счастливое и беззаботное детство внезапно оборвалось.

Глава 2. Отрочество

Место, в которое меня отвезли, находилось на задворках известной мне цивилизации. В районе Южное Тушино и по сей день существует Светлогорский проезд, на котором уверенно расположился на горе дом № 7. Там мне было уготовано провести следующие несколько лет.

Местечко, должен признаться, не самое шоколадное. Публика, проживающая в Тушино, по большей части состоит из неотёсанных представителей столь почётного во времена Советского Союза пролетарского сословия. Люди такого склада в ту пору были мне чужды.

Разумеется, говоря о пролетарском сословии, я имею в виду не столько рабочих и крестьян, сколько адептов советского мировоззрения.

Люди подобного склада не загружают свой примитивно устроенный мозг серьёзными мыслями, не стремятся к великому и не мечтают о вечном. Их желания сводятся к обладанию наибольшим количеством материальных благ и получению наслаждений. Недельные циклы жителей Тушино мало чем отличаются друг от друга.

Сейчас я приведу график недельного цикла пролетария:

Понедельник-четверг:

7:00 – подъём

7:00–8:00 – утренний туалет, завтрак

8:00–9:00 – дорога на работу

9:00–18:00 – работа

18:00–19:00 – дорога домой

19:00–21:00 – просмотр телевизионной программы, ужин

21:00–23:00 – просмотр фильма

23:00–0:00 – секс (если повезёт), приготовления ко сну

0:00–7:00 – сон.

В пятницу всё повторяется, однако вечером они идут в бар, клуб или в гости. А в субботу у них похмелье, шопинг или дача.

1 сентября я пошёл в школу. Я всегда быстро сходился с новой компанией и вливался в новый коллектив, а зачастую становился его предводителем. Но в этой новой школе что-то пошло не так. Я сразу познакомился с несколькими ребятами. Первым моим знакомым был Семён Золотов – такой долговязый мальчик, которого отличала особенность ходить, выпятив грудь едва ли не на полкорпуса перед собой. Сейчас я понимаю, что эта и многие другие особенности поведения Семёна, благодаря которым он прослыл в классе придурком, берут своё начало от сильнейшей неуверенности в себе.

Но я никогда не спешил заметить в людях их недостатки и потому не обратил на причуды Семёна никакого внимания. Мы с ним сидели за одной партой, и потому у нас завязалось общение.

Оглядываясь назад, я думаю: почему именно с ним я начал общаться, а не с другими ребятами? И только сейчас понимаю: у всех уже был сложившийся коллектив, все друг с другом дружили, и им не было никакой нужды искать моего общества. Семён же, напротив, был изгоем, и я для него был шансом найти хоть кого-то, кто не стал бы его унижать либо подтрунивать над ним. А я, поскольку был мальчиком воспитанным, общался с соседом по парте вежливо и незлобно.

К сожалению, Семён учился в школе, где дети с раннего детства исповедовали законы волчьей стаи, а потому он, как это часто бывает в подобных случаях, принял обыкновенную вежливость за симпатию.

Мне хотелось с кем-нибудь познакомиться, подружиться, однако я, не знаю уж почему, не сделал этого сразу. Помню, во время первой перемены ребята побежали в коридор играть в футбол. В качестве мяча они использовали несколько скомканных листов бумаги, замотанных скотчем.

У нас во дворе – в смысле, на Ленинском, – никто не играл в футбол, поэтому играл я плохо. Мне не хотелось в первый же день показать собственную неспособность делать что-то хуже других, и потому я просто стоял и наблюдал, как играют другие.

С моей стороны это было стратегической ошибкой: одноклассники восприняли меня как ещё одного изгоя, который не слишком-то стремится общаться с ними. Однако они не стали сразу нападать на меня. Думаю, произойди это сразу, я быстро бы проявил лёгкую демонстрацию силы, и мои одноклассники стали бы мне друзьями. Но всё произошло по-другому.

Сначала я более-менее познакомился с классом. Ребята присмотрелись ко мне. Поскольку никто активно не нападал на меня, я вёл себя очень спокойно. А моим одноклассникам отсутствие исходящей агрессии казалось признаком слабости.

Я не помню, чтобы кто-то пытался со мной поссориться, не помню, чтобы я с кем-то ругался. Просто в какой-то момент я понял, что мои одноклассники не являются моими друзьями.

С кем-то я хорошо общался, с кем-то общался нейтрально, но у меня не было явных врагов. Первым мальчиком, с которым мы поссорились, был Нафан. Не смогу сейчас точно воспроизвести его фамилии, – это был самый обычный армянский мальчик. Кажется, фамилия звучала Талмаян, но могу ошибаться.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

1. Les Miserables (фр.) – отверженные

2

2. Les etrangers (фр.) – посторонние

Купить: https://tellnovel.com/ru/suzdal-cev_stepan/nichego-svyatogo

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)